

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК: 101.8

DOI: 10.31249/chel/2020.04.11

Нестеров П.В.**ФИНИКИЙСКИЕ ДРЕВНОСТИ****В ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ КАРЛА МАРКСА¹***Московская государственная академия физической культуры,
Москва, Россия, dubotryasss@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос, не получивший на настоящий момент удовлетворительного объяснения в специальной литературе. Карл Маркс, разрабатывая теоретические основы формационного подхода и анализируя важнейшие аспекты возникновения классового общества, развития рабовладения и торговых отношений в античном Средиземноморье, проигнорировал труды своего современника Франца Карла Моверса, явившиеся крупным событием в изучении Финикии и вызвавшие оживленный отклик в научном сообществе Европы. Рассматриваемая ситуация предполагает, что диалектически мыслящий атеист Маркс, активно отрицая взгляды Моверса как религиозного мыслителя, был обязан воспользоваться богатой фактографией, системно актуализированной в его работах и позиционирующей историю античного Средиземноморья с привлечением новых знаний о финикийских древностях более полно, глубоко и всесторонне. Однако в литературном наследии Маркса фактография и конкретные исторические положения из трудов Моверса не находят никакого отражения, и таковое умолчание представляется весьма странным, учитывая, что Карл Маркс усердно интересовался новейшими достижениями в науке, а историческую роль торговой финикийской цивилизации в процессе становления античного рабовладельческого общества оценивал достаточно высоко.

Ключевые слова: марксизм; цивилизация;protoолимпизм; олимпизм; капитализм; сетевое общество; Финикия; Карфаген; Эгейда; Древняя Греция; Древний Рим; философия истории; формационный подход в истории; античное Средиземноморье; торговая колонизация.

Поступила: 07.06.2020

Принята к печати: 30.06.2020

¹ © Нестеров П.В., 2020

Nesterov P.V.

Phoenician antiquities in the literary heritage of Karl Marx¹

*Moscow state Academy of physical culture,
Moscow, Russia, dubotryasss@gmail.com*

Abstract. The article considers the issue that has not received a satisfactory explanation in literature so far. Karl Marx, developing the theoretical foundations of the formation approach and analyzing the most important aspects of the emergence of class society, the development of slavery and trade relations in the ancient Mediterranean, ignored the works of his contemporary Franz Karl Movers, which were a major event in the study of Phoenicia and generated a lively response in the scientific community of Europe. The situation under consideration suggests that the dialectically minded atheist Marx, actively denying the views of Movers as a religious thinker, was obliged to take advantage of rich factography, systematically updated in his works and positioning the history of the ancient Mediterranean with the use of new knowledge about Phoenician antiquities more fully, deeply and comprehensively. However, in the literary legacy of Marx, factography and specific historical provisions from the works of Movers are not reflected in any way, and such a silence seems very strange, given that Karl Marx was diligently interested in the latest achievements in science, and estimated the historical role of commercial Phoenician civilization in the formation of the ancient slave society highly enough. Marx's peculiar attitude to achievements in the study of Phoenician antiquity qualitatively predetermined the development of relevant knowledge in Russia, since for most of the 20th century, domestic philosophers, historians and teachers, one way or another, correlated the direction of their creative efforts with the provisions enshrined in the texts of the classics of Marxism.

Keywords: Marxism; civilization; proto-olympism; olympism; capitalism; network society; Phoenicia; Carthage; Aegaeis; Ancient Greece; Ancient Rome; philosophy of history; formation approach in history; the ancient Mediterranean; trade colonization.

Received: 07.06.2020

Accepted: 30.06.2020

Вопросы финикийской истории по своему текстовому объему не занимают в литературном наследии Карла Маркса сколько-нибудь приметного места. Совокупно весь материал, касающийся Финикии, Карфагена и прочих финикийских реалий, можно свести не более чем к двум десяткам довольно-таки немногословных фрагментов [Marx, Engels, 1981; Marx, Engels, 1960; Marx, Engels, 1978; Marx, Engels, 1984; Marx, Engels, 1961; Marx, Engels, 1980; Marx, Engels, 1962]. Говорить о точном количестве упоминаний финикийских древностей в литературном наследии Маркса следует

¹ © Nesterov P.V., 2020

только в том случае, если предварительно установлен четкий критерий для вычленения тематически и содержательно релевантных фрагментов. Так, если нас интересуют только те высказывания, в которых Маркс дает более или менее пространную, содержательно развернутую характеристику каких-то сторон финикийской древности, то количество отобранных фрагментов будет минимальным и при самом неприхотливом подсчете окончательный список не составит и пяти высказываний. Если же нам потребуется помимо этого выделить содержательно неразвернутые упоминания финикийских реалий, каковыми могут быть названия древних городов, или же потребуется отметить наличие в тексте косвенных отсылок к финикийской древности, например использование метафорического оборота с упоминанием Молоха [Marx, Engels, 1978; Marx, Engels, 1961, S. 40], то сообразно этому должен быть применен иной критерий отбора и количество вычлененных фрагментов несколько превысит число прежде отобранных упоминаний. Неизбежно вне поля нашего внимания останется некое количество упоминаний, носящих «скрытый» или, лучше сказать, спорный характер, выявление которых будет зависеть от воли исследователя текста и его мировоззренческой позиции. К примеру, если Маркс упоминает Фалеса [Marx, Engels, 1981], который, как сообщают античные источники [Diogenes], происходил из знатнейшего (εὐγενέστατοι) финикийского рода Фелидов, то разумно ли считать данное упоминание отсылкой к финикийской древности? Здесь необходимо вспомнить, что классики марксизма позиционировали Фалеса сугубо как древнегреческого мыслителя [Marx, Engels, 1975], ионийского натурфилософа [Marx, Engels, 1968, S. 76], окончательно и бесповоротно порвавшего с финикийским миром. И если сделать смелое предположение, что в учении Фалеса о воде [Marx, Engels, 1960, S. 221] обнаруживается отзвук финикийского космогонического мифа (реконструируемая часть о «**172**» [Тураев, 1903]), искусно переосмысленного и перенесенного на греческую почву, то у нас все равно не будет оснований подозревать, что Маркс хоть малейшим образом намекает на факты влияния финикийской мифологии на раннюю греческую философию. Другими словами, мы не имеем права пытаться отыскать в литературном наследии К. Маркса отсылки к финикийской древности в тех местах, где этих отсылок не может быть в силу объективных обстоятельств.

Следует подчеркнуть, что критерий отбора должен в соответствующей мере учитывать контекстную значимость каждого конкретного упоминания. При этом неразвернутым упоминаниям иногда может быть присвоен высокий ранговый показатель значимости. Так, в «Первом международном обзоре» (февраль 1850) Тир и Карфаген всего лишь перечисляются наряду с прочими историческими городами мира [Marx, Engels, 1960], и по некому формальному признаку (по количеству печатных знаков, например) такое упоминание можно считать неразвернутым и второстепенным. Но контекст упоминания заставляет взглянуть на данный фрагмент несколько иначе, поскольку именно в данном месте авторами «Обзора» проводится весьма примечательная историческая аналогия между финикийским Тиром и Карфагеном, средневековой Генуей и Венецией и стремительно развивающимся Нью-Йорком и Сан-Франциско. При решении, например, вопроса о том, насколько высоко оценивал Маркс роль финикийского купечества и финикийской торговой олигархии в экономической жизни античного Средиземноморья, анализ именно данного фрагмента должен, видимо, стать одним из наиболее важных моментов.

В любом случае невеликий объем материала вовсе не подразумевает, что содержание его малоценно для исследования. Напротив, значимые события в немецком востоковедении сороковых и пятидесятых годов XIX в., среди которых особо следует отметить публикацию многотомного труда Франца Карла Моверса «Die Phönizier» [Movers, 1856], произшедшего в западноевропейской ориенталистике подлинный переворот, требуют весьма тщательно проследить и проанализировать, как отражено и осмыслено в сочинениях Маркса то, что в манере современной броской стилистики можно было бы называть «феномен финикийской цивилизации».

Однако поставленная цель не может быть достигнута в рамках отдельной публикации, и мы в данном случае смеем рассчитывать только лишь на постановку некоторых частных вопросов.

К тому же решение отдельных вопросов зачастую предполагает достаточно глубокую погруженность в дисциплинарно и предметно далекие друг от друга области знания. Так, чтобы оценить степень востребованности наследия Маркса у специалистов, которые занимались историей Финикии, скажем, в советскую эпоху, мы, прежде всего, обязаны уметь объективно оценить прогресс в области современных знаний о Финикии за период более чем в

сто лет. Это поможет нам понять, насколько прозорливыми оказались суждения, составленные Марксом в то время, когда западноевропейская наука еще только накапливалась и систематизировала сведения о Финикии, пытаясь осознать ее влияние на процесс становления античной цивилизации. И только затем мы будем в какой-то мере готовы уяснить, насколько востребованы, оправданы и целесообразны в работах советских специалистов по Финикии ссылки на классиков марксизма. К сожалению, и в этом случае у нас не может быть полной гарантии того, что абсолютно все нюансы станут достаточно очевидны. Например, если советский востоковед И.Ш. Шифман во введении к монографии «Возникновение Карфагенской державы» ссылается [Шифман, 1963] на определенный фрагмент из работы К. Маркса и Ф. Энгельса, то предметная и тематическая обоснованность такой ссылки для нас вполне ясна: в цитируемом фрагменте авторы «Немецкой идеологии» говорят о неких закономерностях развития колоний и конкретно упоминают Карфаген [Marx, Engels, 1981, S. 73]. Но по-прежнему остаются неясными отдельные стороны этого цитирования. Почему анализ именно данного аспекта финикской колонизации потребовал ссылки на классиков марксизма? Почему выбор специалиста пал именно на данную работу? Почему упоминание об общих закономерностях развития колоний и соответствующая цитата из классиков марксизма не подвигли специалиста к краткому полемическому упоминанию в этом месте работ тех буржуазных историков, которые целенаправленно занимались изучением закономерностей колонизационных процессов, в том числе и развитием знаменитой тирской колонии – Карфагена? Излишне пояснить, что сравнение взглядов этих историков с позицией Маркса в работе видного специалиста по истории Финикии И.Ш. Шифмана позволила бы нам более уверенно говорить о востребованности литературного наследия Маркса и конкретных преимуществах марксистской теории в данной области исторического знания.

Для всестороннего анализа литературного наследия Маркса нам также должно потребоваться полноценное применение биографического метода [Denzin, 1989] с использованием соответствующих каузально-интерпретативных моделей и квалиметрических процедур. Это должно способствовать валидному описанию личностной диспозиции интересующего нас мыслителя, которая внешне и была выражена в тематизации аспектов финикской

истории, а также в способах актуализации источников и фактографического материала. Например, без должного применения биографического метода следует считать необоснованным умозрительно-интуитивное заключение о том, что Маркс не привлекал при анализе античности материалы из труда Моверса потому, что Моверс являлся католическим священником, а в силу этого якобы и не стоило надеяться, что в этих работах могут содержаться ценные данные. В такой же степени необоснованным будет и предположение, что труд Моверса не соответствовал содержательной направленности работ Маркса. Или же что Маркса насторожила пресловутая «финикиемания» Моверса. Или же что Маркс по ряду случайных причин не был в достаточной степени осведомлен о работах Моверса. Стало быть, на настоящий момент мы не располагаем достоверным и обоснованным объяснением, почему Маркс воздерживался цитировать, упоминать или же критиковать труд Моверса, хотя именно этот труд, опирающийся на богатую фактографическую базу, в значительной степени проливал свет на взаимодействие двух активно конкурирующих цивилизаций античного Средиземноморья, финикийской и древнегреческой, а следовательно, прояснял некоторые существенные аспекты в процессе становления античного способа производства.

В связи с некоторой неопределенностью в вопросе об источниковой базе Маркса в области финикийских древностей особый интерес должны представлять именно те фрагменты из его литературного наследия, где дается развернутое и сущностное определение финикийской цивилизации.

Одно из наиболее важных, по нашему мнению, в этом отношении высказываний находится в разделе рукописного наследия, это «Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 годов)», где Маркс, собственно говоря, и объясняет, что представлял собой «феномен финикийской цивилизации». Как известно, эта часть рукописного наследия Маркса была обнаружена сравнительно поздно, в 1902 г., и на немецком языке издавалась под несколько иным названием «*Einleitung (Zuden “Grundrissender Kritik der politischen Ökonomie”)*». В СССР эта работа первоначально, в 1939 г., также была издана Институтом марксизма-ленинизма на языке оригинала.

В своем определении финикийской цивилизации Маркс применяет понятие «*abstrakte Bestimmtheit*» [Marx, Engels, 1983] –

«абстрактная определенность», которое вынуждает нас вспомнить о «Науке логики» Гегеля. Маркс пользовался вторым (1833) и преимущественно третьим (1841) изданием этого гегелевского сочинения под редакцией Леопольда Геннинга, первое же издание (1812) в любом случае было бы бесполезно, поскольку интересующее нас понятие, «абстрактная определенность», в нем еще не было развернуто.

В трактовке Гегеля [Hegel, 1841] две противоположности, а в гегелевском случае это притяжение и отталкивание, положены нераздельно («untrennbar»), и определены друг по отношению к другу как долженствование и предел («als Sollen und Schranke»). При этом их долженствование есть их абстрактная определенность, которая удаляется от себя и соотносится с противоположной определенностью так, что обе противоположности даны через посредство друг друга.

В материалистической трактовке Маркса понятие абстрактной определенности диалектически реализуется применительно к конкретной исторической ситуации в Средиземноморье. Земледельческие народы, составляющие подавляющее большинство, выступают в качестве противоположности по отношению к меньшинству, торговому народу – финикийцам. Абстрактная определенность финикийцев как купцов и торговцев была бы невозможна без исторически заданной им противоположности, земледельческой среды, которая предоставляла им почти неограниченные рынки сбыта и зачастую бесконкурентное продвижение товаров. «Капитал, как торговый или денежный капитал, выступает в такой именно абстракции там, где капитал еще не стал господствующим элементом общества» («Das Kapital als Handels- oder Geldkapital erscheint eben in dieser Abstraktion, wo das Kapital noch nicht das beherrschende Element der Gesellschaften ist»), говорит об этой исторической ситуации Маркс [Marx, Engels, 1983]. При этом мы знаем, что земледельческие народы, греки, неизменно тяготели к достижениям финикийской цивилизации, заимствуя приемы мореплавства и кораблестроения, стратегии колониального освоения новых территорий, алфавитную письменность, культово-религиозные установления.

Из определения Маркса, кроме прочего, следует, что абстрактная определенность финикийцев в качестве торгового меньшинства неизбежно полагает их и в качестве необходимой истори-

ческой случайности, которая достаточно жестко предопределила пути развития средиземноморских народов. Получается, что именно финикийцы явились тем острым хирургическим инструментом истории, который безжалостно препарировал букалический Эдем Средиземноморья и втягивал «даже самые непокорные варварские народы в мировую торговлю, в цивилизацию» («...und reißt die widerspenstigsten Barbarenvölker in den Welthandel, in die Zivilisation») [Marx, Engels, 1960].

Достаточно полно отрицательное отношение Маркса к модернизации древней истории в работах европейских историков описано в специальном сборнике, изданном в 1968 г. в СССР и посвященном научной деятельности Маркса в качестве историка [Marx, Engels, 1968]. Сказано об этой важной марксистской установке и в работах современных философов-марксистов [Джохадзе, 1999]. И действительно, соблазн для модернизации заключен даже в том, что, определяя финикийскую цивилизацию, как мы можем видеть в выше приведенной цитате, Маркс употребляет понятие «Das Kapital». Однако смысл этого понятия необходимо конкретизировать контекстом самого высказывания. Вряд ли допустимо представлять финикийцев ростовщиками и торговцами от рождения, некими «исконными капиталистами», чья предприимчивая натура изначально запрограммирована на генетическом уровне. Вполне очевидно, что такой путь рассуждения легко приводит нас к расизму. Но не менее очевидно, что объективные и конкретные причины специфической финикийской определенности в качестве малого, но невероятно активного, торгового народа остаются до сих пор неясными. Впрочем, как неясным остается древнее и религиозно бескорыстное устремление человека стать рядовым элементом безымянной потестарной «сети» («das Netz» [Benjamin, 1991]), за пределы которой ему уже никогда не будет суждено выбраться.

Анализируя определение Маркса, данное им финикийской цивилизации, мы, вероятно, имеем право высказать предположение, что специфически финикийская ориентированность на торговлю, торговое посредничество и ростовщичество определялась как раз таки не сверхъестественным модернизирующими импульсом, а, совершенно напротив, архаизированным внутренним укладом финикийского общества. Внешне экспансивная, нацеленная на овладение новыми рынками сбыта, финикийская цивилизация отнюдь не была открытым организмом. В центре всей общественной

системы располагался замкнутый конгломерат олигархических династий с его узкими и противоречивыми интересами. Такое, казалось бы, парадоксальное сочетание внешней экспансивности и внутреннего консерватизма привело к появлению в финикийской цивилизации признаков так называемого «сетевого общества». К сожалению, в современной литературе понятие «сетевое общество» обсуждается с неизменно усиленным акцентом на аспектах сугубо технического характера, на перспективах развития информационно-коммуникативной сети Интернет и социальных сетей в мировой паутине. При этом упускается из виду вся серьезность замечания специалистов о том, что «сетевые структуры и их воздействие проявились в обществе со времени становления первых цивилизаций» [Valdman, 2009].

Наиболее значительную роль в развитии сетевых структур и, в конце концов, «сетевого общества» как такового должны были сыграть именно торговые народы, поскольку устойчиво сложившиеся и территориально организованные торговые отношения по самой сути являются сетью. Такая сеть, охватывая определенную территорию, в то же время достаточно отчуждена от локальной конкретики и является собой своеобразную форму власти, которая не обременяет себя армией, заботами о нуждах местного населения и треволнениями по поводу усмирения мятежей, но в состоянии диктовать свою волю до тех пор, пока ей не будет оказано сопротивление. Часто сопротивление бывает малоэффективным, поскольку народы, привязанные земледельческим укладом жизни к определенной территории, весьма смутно представляют себе направления, требующие особого приложения сил. Финикия, к примеру, весьма успешно эксплуатировала природные богатства Эгейды, используя все преимущества сетевой организации и не встречая достойного отпора у местного населения. Три основных стратегических ресурса Эгейды находились под контролем финикийских олигархических династий: золотые рудники Фасоса (the gold-mines of Thasos); медные рудники на Кипре (the copper-mines of Cyprus); добыча пурпурна на Китире (the purple-fisheries of Cythera) [Gardener, 1918].

Нет ничего удивительного в том, что само понятие «власть» в финикийском языке передавалось через слово «рэшет» – «сеть». В этом отношении весьма примечателен эпиграфический памятник, изготовленный в позднеантичную эпоху, в период правления

в Риме карфагенской династии Северов, и подробно описанный в работе Гезениуса [9]:

רשות למלכת רם קם עולם

Транслитерируем эту надпись знаками кириллического алфавита и дадим его перевод так: «Рэшет ле-мальхут Ром кам олам» – «Власть империи Рима пребывает вечно». Особый интерес надпись должна, на наш взгляд, вызывать тем, что она объединяет в органическое единство три наиболее важных религиозно-политических понятия: «рэшет» – «власть / сеть», «мальхут» – «царство / империя», «олам» – «вечность / Вселенная». При этом мы имеем основания полагать, что распространение в Средиземноморье в XVIII–XIV вв. до н.э. северо-западных семитских представлений о вечности, «олам», сыграло немаловажную роль в становлении древнегреческих представлений об Олимпе [Нестеров, 2016]. Исследование подобного рода вторичных и даже третичных напластований в античной культуре должно также представлять отдельный интерес.

Таким образом, мы можем говорить о том, что теоретический потенциал литературного наследия Карла Маркса в той части, которая освещает финикийскую древность, до конца не актуализирован в научных работах наших современников. Представляется необъяснимым явное несоответствие между высокой оценкой, которую давал Маркс исторической роли финикийской цивилизации в процессе образования рабовладения и развития торговли в Средиземноморье, и малым текстовым объемом упоминаний Финикии в литературном наследии Маркса. Своеобразное отношение Маркса к достижениям в области изучения финикийской древности качественно предопределило характер развития соответствующих знаний в России, поскольку на протяжении большей части XX в. отечественные философы, историки и педагоги, так или иначе, соотносили направление своих творческих усилий с положениями, закрепленными в текстах классиков марксизма.

Мы также убеждены, что понятие «сетевое общество», которое усердно эксплуатируют в современных публикациях, выхолащивая его полезное содержание технократическими спекуляциями, может быть успешно проинтерпретировано применительно к истории развития марксистской теории. Избегая какой-либо эклек-

тики, понятие «сетевое общество» можно применить для анализа истории торговых народов древности с позиций формационного подхода.

Список литературы

- Джохадзе Д.В.* Проблемы античного атомизма в докторской диссертации Карла Маркса // Карл Маркс и современная философия : сборник материалов научной конференции к 180-летию со дня рождения К. Маркса / Российская академия наук; Институт философии. – Москва, 1999. – 253 с.
- Маркс – историк / Академия наук СССР. Институт истории. – Москва : Наука, 1968. – 711 с.
- Нестеров П.В.* Опыт построения гипотезы о северо-западной семитской этимологии понятия «Олимп» с учетом данных оprotoолимпийских традициях Средиземноморья // Личность. Культура. Общество : международный журнал социальных и гуманитарных наук / Российская академия наук, Национальная академия наук Беларусь; Национальная академия наук Украины. – Москва, 2016. – Т. 16, вып. 1–2 (№ 89–90). – С. 220–228.
- Тураев Б.А.* Остатки финикийской литературы; Тирские летописи / обраб. Б. Тураев. – Санкт-Петербург : тип. В. Киршбайма, 1903. – 143 с.
- Шифман И.Ш.* Возникновение Карфагенской державы / АН СССР, Ин-т народов Азии, Ленинградск. отделение. – Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 105 с.
- Benjamin W.* Gesammelte Schriften / hrsg. von R. Tiedemann u. H. Schweppenhäuser. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1991. – Bd. 6. – 1275 s.
- Denzin N.* The Research Act. A theoretical introduction to sociological methods. – 3 rd ed. – New Jersey : Prentice Hall, Englewood Cliffs, 1989. – 306 p.
- Diogenes. Laertius* Lives of eminent philosophers / Loeb Classical Library ; ed. by J. Henderson; with an English translation R.D. Hicks. – Cambridge ; London ; Massachusetts : Harvard University Press, 1925. – N 184 (LCL), Vol. 1. – 538 p.
- Gardener P.* A history of ancient coinage. 700–300 B.C. – Oxford : at the Clarendon Press, 1918. – 317 p.
- Gesenius G.* Scripturae linguaeque phoeniciae monumenta quotquot supersunt. – Pars prima. – Lipsiae : sumptibus typisque Fr. Chr. Vogelii, 1837. – 382 p.
- Hegel G.* Gesammelte Werke / hrsg. von L. Henning. – 2-te unveränderte Auflage. – Berlin : Verlag von Duncker und Humblot, 1841. – 3-te Bd. ; Wissenschaft der Logik. Erster Theil. – 343 s.
- Marx K., Engels Fr.* / Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. – Berlin : Dietz Verlag, 1961. – Bd. 13. – 638 S.
- Marx K., Engels Fr.* Gesammelte Werke / Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. – Berlin : Dietz Verlag, 1981. – Bd. 1. – 351 S.
- Marx K., Engels Fr.* Gesammelte Werke / Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. – Berlin : Dietz Verlag, 1978. – Bd. 3. – 370 S.

- Marx K., Engels Fr. Gesammelte Werke / Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. – Berlin : Dietz Verlag, 1960. – Bd. 7. – 309 S.
- Marx K., Engels Fr. Gesammelte Werke / Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. – Berlin : Dietz Verlag, 1984. – Bd. 12. – 569 S.
- Marx K., Engels Fr. Gesammelte Werke / Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. – Berlin : Dietz Verlag, 1980. – Bd. 15. – 430 S.
- Marx K., Engels Fr. Gesammelte Werke / Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. – Berlin : Dietz Verlag, 1975. – Bd. 20. – 458 S.
- Marx K., Engels Fr. Gesammelte Werke / Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. – Berlin: Dietz Verlag, 1962. – Bd. 23. – 367 S.
- Marx K., Engels Fr. Gesammelte Werke / Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. – Berlin : Dietz Verlag, 1968. – Bd. 40. – 290 S.
- Marx K., Engels Fr. Gesammelte Werke / Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. – Berlin : Dietz Verlag, 1983. – Bd. 42. – 342 S.
- Marx K., Engels Fr. Gesammelte Werke / Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED. – Berlin : Dietz Verlag, 1978. – Bd. 11. – 380 S.
- Movers F. Die Phöniziers. – Bd. 1. – 1841; Bd. 2. – 1849; Bd. 2. 2-te Theil. – 1850; Bd. 2. 3-te Theil. 1-te Hälfte. – 1856.
- Valdman I.A. The network structures: virtualization and adaptation in modern society // Philosophy of Education: special issue. – 2009. – N 2. – P. 141–146.

References

- Dzhohadze, D.V. (1999). Problemy antichnogo atomizma v doktorskoj dissertacii Karla Marksа. Karl Marks i sovremennaja filosofija: sbornik materialov nauchnoj konferencii k 180-letiju so dnja rozhdenija K. Marksа. Moscow: Institut filosofii . Marks – istorik. (1968). Moscow: Nauka.
- Nesterov, P.V. (2016). Opyt postroenija gipotezy o severo-zapadnoj semitskoj jetimologiji ponjatija «Olimp» s uchjotom dannyh o protoolimpijskih tradicijah Sredizemnomor'ja. Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo: mezhdunarodnyj zhurnal social'nyh i gumanitarnyh nauk, 18(1), issue 1–2 (89–90), 220–228.
- Turaev, B.A. (1903). Ostatki finikijskoj literatury; Tirskeje letopisi. Saint-Petersburg: tip. V. Kirshbauma.
- Shifman, I.Sh. (1963). Vozniknovenie Karfagenskoj derzhavy. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR.
- Benjamin, W. (1991). Gesammelte Schrifte. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
- Denzin, N. (1989). The Research Act. A theoretical introduction to sociological methods. New Jersey: Prentice Hall, Englewood Cliffs.
- Diogenes Laertius. Lives of eminent philosophers. (1925). Cambridge; London; Massachusetts: Harvard University Press. Vol. 184 (LCL), Vol. 1.
- Gardener, P. (1918). A history of ancient coinage. 700–300 B.C. Oxford: at the Clarendon Press.

- Gesenius, G. (1837). *Scripturae linguaeque phoeniciae monumenta quotquot supersunt. Pars prima*; Lipsiae: sumptibus typisque Fr. Chr. Vogelii.
- Hegel, G. (1841). *Gesammelte Werke. Wissenschaft der Logik. Erster Theil*. Berlin: Verlag von Duncker und Humblot.
- Marx, K., Engels; Fr. (1960). *Gesammelte Werke. Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED*. Berlin: Dietz Verlag.
- Marx, K., Engels; Fr. (1961). *Gesammelte Werke. Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED*. Berlin: Dietz Verlag.
- Marx, K., Engels; Fr. (1962). *Gesammelte Werke. Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED*. Berlin: Dietz Verlag.
- Marx, K., Engels; Fr. (1968). *Gesammelte Werke. Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED*. Berlin: Dietz Verlag.
- Marx, K., Engels; Fr. (1975). *Gesammelte Werke. Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED*. Berlin: Dietz Verlag.
- Marx, K., Engels; Fr. (1978a). *Gesammelte Werke. Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED*. Berlin: Dietz Verlag.
- Marx, K., Engels; Fr. (1978b). *Gesammelte Werke. Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED*. Berlin: Dietz Verlag.
- Marx, K., Engels; Fr. (1980). *Gesammelte Werke. Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED*. Berlin: Dietz Verlag.
- Marx, K., Engels; Fr. (1983). *Gesammelte Werke. Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED*. Berlin: Dietz Verlag.
- Marx, K., Engels; Fr. (1984). *Gesammelte Werke. Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED*. Berlin: Dietz Verlag.
- Marx, K., Engels; Fr. (1981). *Gesammelte Werke. Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED*. Berlin: Dietz Verlag.
- Movers, F.K. (1841, 1849, 1850, 1856). *Die Phönizier*. Bd. 1, Bd. 2., Bd. 2. 2-te Theil, Bd. 2. 3-te Theil. 1-te Hälfte.
- Valdman, I.A. (2009). The network structures: virtualization and adaptation in modern society. *Philosophy of Education: special issue*, 2, 141–146.